

—

Цзи Янцзун, услышав это, немного помолчал, нахмурившись, тщательно перебрал в уме жителей деревни и пришел к выводу.

Однако он не стал говорить сразу, а еще раз взглянул на Хо Шу.

Ежедневно общаясь с людьми и работая на земле, он сразу понял, что Хо Шу не из простых.

В деревне действительно был такой человек, но как староста деревни, он должен был в некоторой степени подумать о своих односельчанах, опасаясь, что Хо Шу пришел за неприятностями.

«Есть один по имени Чансуй, но в наше время много людей с одинаковыми именами и фамилиями, не знаю, тот ли это, кого ищет доблестный Хо».

Хо Шу сказал: «Он когда-то был призван в армию и служил, прошло уже, должно быть, семь-восемь лет. Списки призывников в деревне должны проходить через руки старосты».

Цзи Янцзун, услышав еще несколько слов, немного прояснил для себя ситуацию и осторожно спросил: «Доблестный Хо, может быть, вы с Чансуем были соратниками?»

Хо Шу ответил утвердительно.

«Это замечательно! Доблестный Хо, вы, должно быть, ищете того Чансуя из семьи Чжао на ручье. Он ушел семь-восемь лет назад, и от него не было вестей. Видя, что война на севере успокоилась, и призывники постепенно возвращаются домой, либо присылают письма, а от этого Чансуя все нет известий. Его семья очень беспокоится, они постоянно приходят сюда, чтобы спросить, нет ли новостей».

Хуан Маньцзин радостно сказала: «У господина Хо есть новости о Чансуе?»

Глаза Хо Шу слегка сузились: «Он умер».

В комнате на мгновение воцарилась мертвая тишина.

«На поле боя нет глаз у мечей и копий, прошло столько лет без вестей, видимо, так и есть...»

Цзи Янцзун покачал головой и тяжело вздохнул: «Жаль его мать, которая каждый день ждала

его возвращения».

Хо Шу давно привык к смерти и уже пережил самое тяжелое время, он был намного спокойнее, чем люди в комнате.

«Мы с ним несколько раз вместе ходили в бой. Два года назад он пал в битве. Перед смертью я обещал ему, если выживу до конца войны, приехать в Цзяннань и навестить его родителей».

Хуан Маньцзин тайком вытерла уголки глаз и сказала: «Хорошо, что хоть что-то стало известно, живой он или мертвый. Я сейчас провожу храброго героя Хо в дом Чансуя».

Несколько человек собрались идти к семье Чжао. Хуан Иньшэн, которому нужно было собирать лекарственные травы, не пошел с ними, оставив Хо Шу с супругами Цзи.

«Мама, куда вы идете?»

Цзи Таоюй, неся блюдо с выпечкой в гостиную, обнаружил, что на столе осталось только несколько пустых чашек, а все ушли во двор, видимо, собираясь выйти.

Хуан Маньцзин сказала: «Мы отведем господина Хо к семье Чжао у ручья, а ты не ходи без дела».

Таоюй, услышав это, быстро подбежал, поднял глаза на Хо Шу и осторожно спросил: «Вы уже нашли человека, которого искали?»

Хо Шу, держа поводья, повернул голову и увидел, что Цзи Таоюй уже снял толстый плащ и жилет, и на нем была легкая осенняя одежда по размеру.

Вернувшись к родителям, под теплым осенним солнцем, он выглядел немного бодрее.

Он взглянул на блюдо в руках маленького гера, это были несколько квадратных пирожных с османтусом.

Выглядело, должно быть, вкусно.

«Да».

«Тогда вы не будете здесь обедать?»

Цзи Таоюй немного поднял блюдо в руках: «Я только что сделал пирожные с османтусом».

«Нет».

Сказав это, Хо Шу первым вывел лошадь из двора.

Цзи Таоюй на мгновение застыл. Отец и мать Цзи, увидев, что Хо Шу ушел далеко, только тогда тихо сказали сыну:

«Возвращайся в комнату, мы знаем, как принять гостя, главное, чтобы ты поскорее поправился».

Цзи Таоюй тихо ответил: «Хорошо».

Видя, что отец, мать и Хо Шу поочередно вышли из дома, он подбежал к стене и тайком выглянул наружу, глядя, как высокая фигура Хо Шу все дальше и дальше удаляется.

Он испытывал чувство глубокого признания. Случайно встреченный человек спас ему жизнь, а он даже не успел как следует отблагодарить его. Не знал он, представится ли ему когда-нибудь еще такая возможность.

«Доблестный Хо высок и могуч, красив лицом, неужели ты не хочешь, чтобы он уходил?»

Цзи Таоюй, услышав это, вздрогнул, поспешно отвел взгляд и, повернув голову, увидел дедушку с заложенными за спину руками. Он вздохнул с облегчением: «Сяо Таоцзы знает, что он был невежлив, дедушка, не подшучивай надо мной».

«Это сказано для своих, в шутку».

Хуан Иньшэн взял кусок пирожного с османтусом и положил в рот. Сладкий, но не приторный вкус поднял настроение. Он засмеялся: «Твои родители, они слишком строго тебя воспитывают. Какие еще дети похожи на тебя? Ты всегда используешь имя Юй Эрлана как ученого, чтобы оправдываться. Ты всегда связан этикетом и живешь неудобной жизнью».

Цзи Таоюй подошел и ласково обнял Хуан Иньшэна за руку: «Все-таки дедушка более опытен и широко мыслит».

Хуан Иньшэн удовлетворенно кивнул: «Да, на этот раз пирожные с османтусом получились хорошо. Вернемся в комнату, съедим еще пару штук, а когда пойду обратно, возьму немного и для Хуан Ци».

Цзи Таоюй улыбнулся: «Хорошо».

Пирожные были сладкими, но в доме Чжао царила горечь.

Дом семьи Чжао у ручья был просто хижинкой из земли и соломы, к тому же давно нуждавшейся в ремонте, на крыше даже проросла трава.

Сравнивая его с просторным домом семьи Цзи, он выглядел очень убого.

Осенний ветер, дувший вдоль ручья, проходя через это место, тоже казался более унылым.

«Староста, почему вы пришли!»

Пока Хо Шу осматривался, пожилая женщина, услышав шум, вышла из дома. Увидев, кто пришел, она невольно вздрогнула, но все равно поспешно поприветствовала их.

«Староста, госпожа Хуан, скорее проходите в дом».

«Это, наверное, из-за налога на урожай? Вы, староста, столько бегаєте, я уже думаю, как быть, надеюсь, вы дадите мне еще немного времени».

Мать Чжао, уважительно открывая дверь, чтобы впустить супругов, обнаружила, что за ними идет незнакомый мужчина.

Внезапно увидев такого высокого и свирепого мужчину, она испугалась и осторожно, даже подобострастно, взглянула на супругов.

Она боялась, что это сборщик налогов, посланный из областной управы в этом году.

«На этот раз мы пришли не из-за налогов, мы знаем о положении вашей семьи, мы всегда стараемся отсрочить срок уплаты налогов».

Хуан Маньцзин поспешно успокоила мать Чжао.

Семья Чжао была действительно несчастной. В давние времена, когда отец Чжао был коробейником, ходящим из деревни в деревню, он встретил бандитов, которые сломали ему ногу. В семье сразу прекратился доход, и пришлось тратить деньги на лечение.

В семье царил бедность, и все держалось на матери Чжао. Как только сын подрос и смог взять на себя часть домашних дел, не прошло и двух дней спокойной жизни, как война на севере усилилась, двор увеличил набор в армию, у семьи Чжао не было денег, чтобы заплатить за освобождение сына от призыва, и он был вынужден отправиться на фронт.

Неожиданно после этого известий о нем больше не было. Два года назад умер и отец Чжао, а от сына все не было вестей. Мать Чжао осталась одна, каждый день скорбя, и ей приходилось с трудом сводить концы с концами.

Женщина, которой было чуть за сорок, выглядела как старуха за пятьдесят, волосы под платком совсем поседели. Видя ее, люди невольно вздыхали с сожалением.

Хуан Маньцзин поддержала мать Чжао: «Госпожа Юань, не бойтесь, это соратник Чансуя, он специально приехал за тысячи ли с севера, чтобы навестить вас».

Она осторожно объяснила цель визита и представила Хо Шу матери Чжао.

Хотя она не упомянула, что случилось с Чжао Чансуем, услышав о статусе Хо Шу, глаза матери Чжао уже наполнились слезами.

Не дожидаясь, пока Хо Шу заговорит, она прямо спросила: «Чансуя больше нет?»

Хо Шу нахмурился. Мать Чжао выглядела гораздо старше, чем он ожидал, и ему было трудно сказать, что Чансуй погиб в бою.

Он достал из своего узла пару наколенников и протянул их матери Чжао.

Мать Чжао с сомнением взяла наколенники, погладила их ладонью. Швы были частыми и крепкими.

Она тут же взволновалась: «Это Чансуя, это Чансуя!»

Уголки наколенников завернулись, явно от долгого ношения и ветхости.

«Это я сделала для Чансуя перед тем, как он ушел в армию. Думала, там, на холодной северной земле, будет холодно, боялась, что у него замерзнут колени и останутся проблемы на старости лет».

Глаза матери Чжао улыбались, но голос уже дрожал.

Хо Шу плотно сжал губы. В те годы, когда он был в армии, Чжао Чансуй говорил ему слово в слово то же самое.

«Госпожа Юань, примите соболезнования».

Цзи Янцзун тяжело вздохнул. Он занимался всеми делами деревни, и, конечно, знал о

трудностях семьи Чжао.

В городе Тунчжоу новости распространялись быстро, и в июне уже стало известно, что война на севере закончилась. Хотя военные действия не коснулись напрямую юга, наступил мир, и люди наконец успокоились. Получив эту новость, они обрадовались.

Видя, что в эти месяцы солдаты постоянно возвращаются домой, он тоже следил за этим, надеясь, что жители деревни, отправившиеся на службу, вернутся, чтобы семьи могли воссоединиться.

Но многие уходили, а возвращались немногие.

Даже другие, услышав такие новости, могли лишь вздохнуть с сожалением, что уж говорить о родителях.

«Да, ваше здоровье имеет первостепенное значение. Госпожа Юань, пожалуйста, не грустите слишком сильно».

«Я выдержу. На самом деле, столько времени не было вестей, я уже кое-что понимала сердцем. В последние два года я постоянно видела во сне, как он возвращается».

Мать Чжао со слезами поклонилась супругам Цзи Янцзуну: «Спасибо вам, староста и госпожа Хуан, за заботу о делах моей семьи. Осенью много дел, не буду задерживать вас, староста, я поговорю с соратником Чансуя».

Хуан Маньцзин и Цзи Янцзун обменялись взглядами. Так тоже было хорошо. Затем они утешили мать Чжао несколькими словами и только после этого попрощались.

После их ухода мать Чжао пригласила Хо Шу в дом.

«Чансуй ушел столько лет назад, почему он не прислал ни одного письма? Хоть я и неграмотная, но могла бы попросить сельского учителя прочитать».

Мать Чжао налила Хо Шу чашку чая. Пару наколенников она все еще крепко прижимала к груди, не желая отпускать.

«Писал, и даже посылал вещи».

Хо Шу сказал: «Просто в армии нельзя было свободно отправлять письма, возможностей послать весточку домой было мало. Боюсь, дорога с севера на юг была долгой, и посланник был ненадежным, письмо не дошло».

Мать Чжао не удержалась и вытерла глаза: «Должно быть, он много настрадался».

Хотя и сама она прожила в тяготах все эти годы, мысль о сыне на поле боя вызывала у нее приступ боли.

Она смотрела на высокого и могучего Хо Шу, пытаясь найти в нем какие-то черты своего сына, но, к сожалению, они были так непохожи, что в этом человеке со свирепой внешностью нельзя было увидеть ни следа ее улыбчивого сына.

Но то, что Хо Шу согласился проделать такой долгий путь, чтобы передать вещи и слова, свидетельствовало о том, что их отношения были очень хорошими. Хотя она больше не увидит сына, возможность увидеть человека, который был рядом с ним на поле боя все эти годы, принесла ей большое утешение.

«В таком месте, как Северная граница, не знаю, как Чансуй все эти годы жил».

Как можно не страдать в армии? Дело не только в тяжелых тренировках, если ты был призван по повинности, значит, ты из бедной семьи без поддержки, и притеснение со стороны военных было обычным делом, а в бой шли первыми, с мечом в руке.

Хо Шу видел, как у матери Чжао появились седые волосы. Если бы она разрыдалась, ему, возможно, было бы легче, но видя слезы в ее глазах, но не слыша криков, ему стало еще больнее.

Даже если за эти годы в армии он стал молчаливым и неразговорчивым, вспоминая дружбу с Чжао Чансуйем в те годы, он сказал еще несколько слов, желая утешить мать Чжао.

«Мы с Чансуйем были призваны в северный военный лагерь в одной группе».

Десять лет назад Хо Шу только что исполнилось пятнадцать. Он родился в маленькой деревне на севере, его семья тоже была бедной.

Северный край был обширен, но, к сожалению, повсюду были пески, скудные ресурсы, и он постоянно страдал от набегов кочевников и войн.

Военная повинность в округах на севере была страшнее тигра, и почти все взрослые мужчины были в армии.

Каждый год по несколько призывов. Хо Шу дожился до этого возраста, лишившись обоих родителей, и больше не мог избежать воинской повинности, поэтому вступил в армию.

В том году и на юге проводился набор в армию для отправки на север. Хо Шу и Чжао Чансуй

попали под командование одного генерала.

Они оба были новобранцами, еще молодыми, и постоянно подвергались издевательствам со стороны старых солдат. Недоедание, наказания и побои были обычным делом.

В таких суровых условиях они сдружились и помогали друг другу, делили одну миску риса, боролись с издевающимися над ними старыми солдатами, один бил по голове, другой брал палку.

Так они продержались два года, пока кочевники не подошли к границе, и оба оказались на передовой.

От дрожи в сердце при виде крови на одежде до убийства без всяких колебаний.

Они из самых низших, унижаемых новобранцев превратились в опытных солдат с группой братьев, затем стали командирами небольших отрядов, пройдя через трудности, стали сотниками...

Хо Шу был немногословен. В бессонные ночи в лагере он всегда слушал, как Чжао Чансуй много рассказывал о еде, напитках и красавицах Цзяннаня...

Они когда-то договорились, что когда война закончится, они вместе поедут в Цзяннань.

«К сожалению, два года назад он получил тяжелое ранение в битве при Шалёу, в армии не хватало лекарств, и он не смог выжить».

В этот момент на суровом лице Хо Шу появились трещины, и тон, которым он спокойно рассказывал о военных событиях тех лет, немного изменился.

Мать Чжао слушала, чувствуя острую боль в сердце, и слезы готовы были политься. Вдруг во дворе раздался глухой удар, словно что-то было сильно опрокинуто.

Лицо Юань Хуэйжу побледнело, и она инстинктивно вскочила.

«Старуха, ты решила? В октябре уже нужно будет платить налог, живешь в этом году, а в следующем уже не собираешься, или как?»

Мать Чжао поспешно вышла и увидела, что ее заборные ворота оторвались и упали на землю, а двое дюжих мужчин, скрестив руки, переступили через упавшие ворота и вошли во двор.

«Как вы опять пришли!»

Мужчины не обращали внимания, увидев слезы на лице матери Чжао, наоборот, весело сказали: «Ого, расплакалась? Староста, должно быть, приходил говорить о налогах, да? Если у тебя не будет денег, чтобы заплатить налог, будет еще больше слез».

Мужчина с бычьими глазами сказал: «Сделай, как мы говорим, продай нам эти три му* земли на востоке деревни. Тогда у тебя будут деньги на долги, и о налогах не нужно будет беспокоиться».

[*Му 亩 mǔ — традиционная китайская мера площади, в настоящее время равная 1/15 гектара (0,0667 га или 667 м²)]

Мать Чжао стиснула зубы: «Эти три му земли самые солнечные, каждый год урожай зерна не меньше двух даней* на му, это отличная плодородная земля. Ты хочешь купить ее за десять лянов серебра, даже не думай! Эту землю выкорчевал старик, когда был здоров, по горстке земли за раз, я не продам».

[*Дань (担, dàn) - китайская единица измерения массы, равная 100 Цзинь (斤) или 50 кг.]

«Хех, не продашь?»

Мужчина с бычьими глазами холодно усмехнулся и вдруг пнул ногой стоявшую рядом корзину: «Что ты, старуха, будешь делать с такой большой землей? Даже для могилы после смерти не нужно столько места».

Мужчина, который пришел с ним, тоже получил команду, поднял низкую скамейку во дворе и швырнул ее.

Мать Чжао вскрикнула, прикрыла голову и увернулась. Низкая скамейка полетела к двери гостиной, но не попала в дверь, а была перехвачена на полпути чьей-то рукой.

Двое увидели мужчину, внезапно выходящего из дома. Его высокий рост заставлял их поднимать глаза, чтобы посмотреть на него.

В одно мгновение они встретились взглядом с парой злобных смертоносных глаз, полных убийственной ауры. Они подсознательно остановились, даже невольно затаив дыхание.

Мужчина ничего не сказал и молча подошел.

Прямое давление постепенно нарастало. Двое мужчин переглянулись, почувствовав, что что-то неладно.

Мужчина с бычьими глазами отступил на два шага: «Ого, у вас гости, госпожа Юань даже не

сказала. Мы не будем беспокоить госпожу Юань, принимающую гостей, придем в другой раз».

Сказав это, мужчина хотел уйти.

Но едва он повернулся, как вдруг почувствовал напряжение в спине, словно что-то обхватило его за шею, и тут же мужчина почувствовал, что его ноги оторвались от земли.

«Я тебе разрешал идти?»

Мужчина с бычьими глазами был поднят за шею, повернувшись спиной, и совершенно не видел выражения лица человека позади. Он только чувствовал, что слова, вылетающие из его рта, полны такой убийственной ауры, что даже он, привыкший к постоянным ссорам, знал, что чем свирепее слова, тем меньше их говорится.

Его сердце без причины похолодело. Он дрыгал ногами, пытаясь вырваться, но чем больше он сопротивлялся, тем крепче сжималась рука на шее, и ему казалось, что затылок вот-вот оторвется.

Мужчина сразу же испугался и быстро взмолился о пощаде: «Это недоразумение, недоразумение, храбрый человек, пожалуйста, прояви милосердие».

Хо Шу не изменил выражения лица, позволяя мужчине молить о пощаде.

Мать Чжао, видя, как мужчина с бычьими глазами застыл, не в силах пошевелиться, знала, что Хо Шу на поле боя привык убивать, и опасалась, что он, действуя привычными на передовой методами, нечаянно сломает мужчине шею.

Хотя эти люди часто приходили издеваться, и они заслуживали смерти, она не могла допустить, чтобы Хо Шу оказался замешан в убийстве.

Она поспешно подошла и сказала: «Хватит, Хо Шу, просто прогони их».

Едва слова были произнесены, как раздался глухой удар, и Хо Шу, по просьбе матери Чжао, отпустил руку и бросил человека к забору, как будто швырнул скамейку.

Мужчина с бычьими глазами был в ужасе, его инстинкт самосохранения достиг пика. Он пытался уползти, но одна нога наступила ему на шею.

«Ты хочешь купить землю?»

Мужчина лежал на земле, сжавшись на боку, с ногой на шее. На этот раз он не смел

пошевелиться ни на йоту. Он был вынужден смотреть на эту пару холодных глаз и непрерывно повторял:

«Не куплю, не куплю. Мы больше не будем беспокоить старуху, госпожу Юань, нарушать ее покой».

Хо Шу с невозмутимым лицом: «Если я еще раз увижу, что ты здесь скандалишь, твоя голова и тело расстанутся».

«Да-да-да».

Мужчина с бычьими глазами чуть не плакал, сила на его шее дала ему понять, что это не просто пустые угрозы.

Хо Шу не убрал ногу. Он посмотрел на упавшие заборные ворота.

Мужчина поспешно сказал: «Я сейчас же почию забор госпоже Юань».

Второй, видя такое положение, не дожидаясь, пока Хо Шу заговорит, с дрожащими ногами поднял брошенную им скамейку и тщательно осмотрел ее:

«Позже, позже я принесу госпоже Юань новую скамейку, и корзину, и корзину тоже принесу новую».

Хо Шу ничего не сказал, взглянул на мать Чжао сбоку: «Тетя, так пойдет?»

Мать Чжао поспешно закивала: «Хорошо, хорошо».

Только тогда Хо Шу убрал ногу. Мужчина, как после смертной казни, облегченно вздохнул, не смея сказать ни слова, дополз и поднял заборные ворота.

Двое мужчин суетились, убирая поврежденные вещи, при этом осторожно наблюдая за выражением лица Хо Шу. После многократных извинений перед матерью Чжао, они еще несколько раз поклонились Хо Шу и, видя, что он больше ничего не говорит, в панике убежали.

«Что это за люди?»

Мать Чжао сказала: «Это местные хулиганы. Они видят, у кого жизнь не ладится, и требуют продать землю по низкой цене, а затем перепродают ее другим по высокой цене, получая таким образом прибыль».

«В последние годы у нас дома не хватает денег, и они на нас нацелились. Если не продадим, они приходят и крушат все».

«Староста не вмешивается?»

«Вмешивается, и ругает, но это бесполезно. Они всегда издеваются над слабыми и боятся сильных, выбирают тех, кого легко сломить, а перед старостой ведут себя хитро и угодливо. Очень трудно управлять».

Сказав это, мать Чжао добавила: «Но на этот раз после твоей хорошей взбучки они, наверное, больше не посмеют приходить и скандалить у нас дома».

Хо Шу сказал: «Если будет еще раз, я не оставлю их в живыми и невредимыми».

Лицо матери Чжао на мгновение застыло. Хотя она знала, что Хо Шу помогает ей, она, в конце концов, была честной и простой крестьянкой. Услышав о таких убийствах, она невольно почувствовала холодок по спине и трепет перед аурой солдата с поля боя.

«Все в порядке, зайдём в дом».

Вернувшись в дом, мать Чжао снова прижала пару наколенников к груди.

Хо Шу, увидев это, достал из своего узла большой мешок и подвинул его к матери Чжао: «Я только что не успел передать тете эти вещи».

Мать Чжао с сомнением открыла мешок, и сразу показались блестящие серебряные слитки.

«Эти деньги Чансуй накопил. Он всегда говорил мне, что после возвращения домой он будет хорошо заботиться о родителях, родители всю жизнь трудились, надо дать им возможность спокойно прожить старость и пожить немного хорошо».

«Изначально он накопил еще больше, но за эти годы, когда появлялась возможность, он просил людей переслать их домой, но они пропали в пути».

Мать Чжао смотрела на мешок, который едва помещался в двух ладонях, и не чувствовала радости, наоборот, ее сердце еще больше скорбело:

«В армии было трудно, а он все равно думал о доме. Жаль, что его отцу не повезло, он не дождался его сыновней почтительности».

Сказав это, она вытерла покрасневшие и немного болезненные глаза. За эти годы она много

плакала, и как только глаза покраснели, они сильно болели. Она с трудом сдерживала скорбь и сказала:

«Дитя, спасибо тебе за заботу о Чансуе все эти годы, и за то, что ты специально приехал с севера, чтобы привезти его вещи. Я действительно не знаю, как тебя отблагодарить».

Согласно правилам, двор должен был выплачивать пособие семьям солдат, павших в бою на чужбине, но, к сожалению, из-за коррупции при дворе, то, что доходило до рук, было ничтожно мало. Чаще всего местные чиновники просто присваивали и те небольшие деньги.

Если бы не надежные друзья и земляки, ничего бы и не было прислано домой.

Видя такое количество денег, не меньше ста-двухсот лянов, мать Чжао все больше убеждалась в благородстве Хо Шу, что он человек с холодным лицом, но горячим сердцем. У нее больше не было страха, который она испытывала при первой встрече.

Хо Шу сказал: «Мы прошли через жизнь и смерть вместе все эти годы, мы давно считаем друг друга родными братьями. Если бы погиб я, он обязательно побеспокоился бы о моих делах после смерти. Тетя, не нужно так благодарить и волноваться».

Мать Чжао всхлипнула: «Хорошо, хорошо...»

«Ты, наверное, устал с дороги, иди отдохни в комнате Чансуя, а я, тетя, пойду приготовлю тебе что-нибудь поесть».

Хо Шу хотел сказать, что не стоит беспокоиться, но мать Чжао убедила его одной фразой:

«Я приготовлю некоторые из любимых блюд Чансуя, ты попробуешь, понравятся ли они тебе. Хотя мое умение готовить не сказать, что очень хорошее, в деревне, когда готовят для больших мероприятий, меня тоже просят помочь на кухне».

Глядя на суетливую фигуру женщины, направляющейся готовить, Хо Шу подумал, что если бы его родители были живы, увидев его вернувшимся с войны, они, возможно, не так радостно бросились бы готовить обильный стол.

Пожалуй, он просто воспользуется гостеприимством Чжао Чансуя.

—